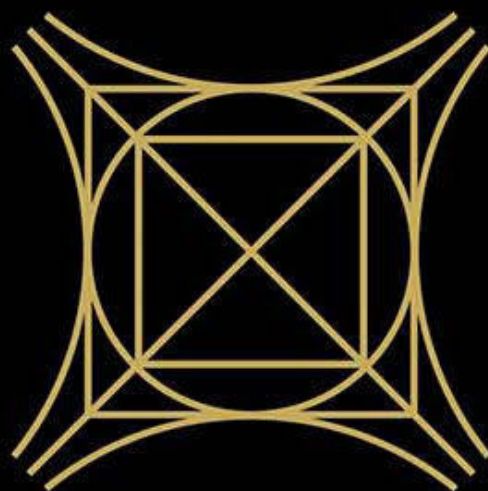

Франклин
Меррелл-Вольф

Размышления о природе
трансцендентального сознания

ФИЛОСОФИЯ
СОЗНАНИЯ
БЕЗ ОБЪЕКТА

софия

Франклин Меррелл-Вольф

**Философия сознания без
объекта. Размышления о природе
трансцендентального сознания**

«София Медиа»

УДК 130.123
ББК 88.6

Меррелл-Вольф Ф.

Философия сознания без объекта. Размышления о природе трансцендентального сознания / Ф. Меррелл-Вольф — «София Медиа»,

ISBN 978-5-906897-05-3

Перед вами уникальная книга, написанная истинно просветленным человеком. Она обладает удивительной способностью преобразовывать сознание каждого, кто берет ее в руки. «Философия сознания без объекта» – это последовательная и глубокая работа с целым набором «ключей» – неоценимая помощь духовным искателям на Пути. Автор описывает свои мистические переживания и их значение. Он анализирует опыт трансформации сознания в свете своих обширных знаний в области математики и философии.

УДК 130.123

ББК 88.6

ISBN 978-5-906897-05-3

© Меррелл-Вольф Ф.
© София Медиа

Содержание

Предисловие	6
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Меррелл-Вольф, Франклин
Философия сознания без
объекта. Размышления о природе
трансцендентального сознания

© ООО Книжное издательство «София», 2020

Предисловие

Настоящая работа предполагает знакомство с моей предыдущей книгой («Пути в иные измерения»)¹, но ее можно читать и саму по себе. То, что было опубликовано мною ранее, представляет собой записи, которые делались непосредственно в процессе преобразования сознания автора. К числу достоинств первой книги можно отнести глубоко личностный характер повествования, однако отсюда и ее недостаток – отсутствие той объективной оценки, которую может дать только некоторая отстраненность от предмета изложения. Вторую главу тома, который вы держите в руках, можно рассматривать как краткое повторение написанного прежде. Естественно, что в данном случае перспектива более полная. Интерпретации, появившиеся в результате осмысления череды изменений сознания, более тесно связаны нитью логики. Содержание первой книги не могло не быть фиксацией потока идей, принимавших видимые очертания по мере их появления на авансцене сознания; в книге отсутствовало систематическое развитие положений. Написанное было истиной дня, или даже мгновения, развернутой настолько, насколько того требовало построение концепции. Многие проблемы остались рассмотренными не до конца, причем я поступал так умышленно, намереваясь впоследствии развить тезисы более полно. Таким образом, нынешняя книга выделась мне как заполнение пробелов предыдущей работы.

Однако вопреки моему намерению выстроить более стройную (с позиций логики) систему, я с некоторым удивлением обнаружил, что мысль продолжала развиваться в непредвиденных направлениях. Стоило потоку сознания прорвать плотину задуманной структуры, как формальный план работы вновь и вновь нарушался. В результате, хотя предлагаемая работа несколько стройнее «Путей», она все же не вполне отвечает требованиям завершенной системы. Очевидно, время окончательной доводки всех частей еще не наступило. Некоторые проблемы получили более полное освещение, однако при этом возникали другие, оставшиеся без должного рассмотрения.

Познавший Пробуждение становится немного поэтом – даже если прежде был абсолютно безразличен к поэзии. Мысли больше не могут оставаться исключительно формальными. Поэт является первопроходцем, а интеллект выступает в качестве систематизатора. Один открывает Врата, а другой занимается тылами. Их функции взаимодополняющие. Но помимо преимуществ такого сочетания имеются и порожденные им трудности. Мысль, стремящаяся построить завершенную и всесторонне безупречную систему, всегда находит новые Врата (распахивающиеся в самых неожиданных местах), и тогда возникает потребность в реорганизации. Перспективы, открывающиеся при каждом новом Раскрытии, слишком ценны, чтобы их игнорировать; к тому же было бы бесчестно отвергать Истину. Так что система никогда не будет полной. Прошу критиков простить этот изъян (если, конечно, это изъян).

Оказалось, что пренебречь в данной работе личным фактором мне не позволяет даже логика. Я предпочел бы писать как Спиноза², но в наши дни уже нельзя игнорировать проблему гносеологии. Мы больше не можем принимать концепции за непосредственные носители знания. После Канта³ нам приходится подвергать сомнению авторитетность всех теорий. Всегда

¹ М.: Издательство «София», 2009 г. – *Здесь и далее прим. перев., если не указано иначе.*

² Бенедикт (Барух) Спиноза (1632–1677) – нидерландский философ-пантеист. Мир, по Спинозе, является закономерной системой, которая до конца может быть познана геометрическим методом. Оказал большое влияние на развитие атеизма и материализма.

³ Иммануил Кант (1724–1804) – немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии. В 1747–1755 годах разработал космогоническую гипотезу происхождения Солнечной системы из первоначальной туманности. Основные философские работы: «Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Критика способности суждения». В своей критической философии Кант выступил против догматизма умозрительной метафизики и скептицизма с учением о

возникает вопрос: а что, собственно, стоит за концепцией? Обычно за ней находится нечто, концепцией не являющееся. Как же ознакомиться с этим «нечто»? В сфере обыденного опыта проблемы довольно просты и нередко прогнозируемы, но вынесенный на суд читателя Путь Сознания, открывающийся после преобразования, настолько далек от проторенных дорог, что его нельзя преподносить без дополнительных разъяснений. По этой причине я сделал обзор процесса преобразования, стремясь заложить фундамент для последующего более систематизированного обсуждения.

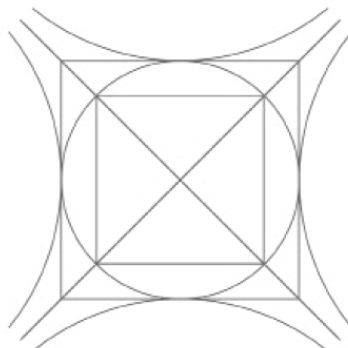
Сегодня нет нужды доказывать, что существуют мистические состояния сознания, оказывающие позитивное воздействие на индивидов и социум. Весьма многие разумные и ученые люди уделяли этому предмету серьезное внимание. Они показали, что мистические состояния сознания не только реальны, но и благотворны (по крайней мере, во многих случаях) для человеческих чувств и характера. Я могу назвать такие имена, как Уильям Джеймс, Джон Дьюи, Бертран Рассел, Джеймс Леуба и Алексис Каррель⁴, – не говоря уже о великих немецких идеалистах, которые писали либо непосредственно отталкиваясь от пробужденного мистического чувства, либо, по крайней мере, вполне сознавая его реальность. Но у исследователей (исключая Уильяма Джеймса и немецких идеалистов) есть общая тенденция заявлять, что мистический опыт не может дать истинного знания реальности, не способен привести к познанию «вещи в себе». Как следствие, первой задачей настоящей работы стало продемонстрировать (насколько это возможно) реальность духовных ценностей, имеющих мистические и гностицистские корни. Поэтому мне пришлось обращать серьезное внимание на критику со стороны философов и психологов и развивать свои тезисы с оглядкой на расставленные ими ловушки. Многое в этой критике является вызовом, от которого нельзя просто отмахнуться. Читателям, которым свойственно поэтически-интуитивное или недогматически-религиозное восприятие мира, многое в критической части обсуждения покажется ненужным, а некоторые формулировки будут восприняты как усложненные и даже заумные. Таким я скажу: «Потерпите. Помните, что я пишу не только для тех, кого убедить легко. Разве вы не знаете, что в мире есть умные и честные люди, которые свысока смотрят на вас, как на “детей малых” – вполне благонамеренных, но легковверных? А мне хотелось бы, чтобы к вам относились с уважением даже те, кто придерживается иной мировоззренческой позиции».

Ф. М. В.

непознаваемых «вещах в себе» и познаваемых явлениях, образующих сферу бесконечного возможного опыта. Условие познания по Канту – общезначимые априорные формы, упорядочивающие хаос ощущений.

⁴ Уильям Джеймс (1842–1910) – американский философ и психолог. Выдвинул «прагматический» критерий истины: истинно то, что отвечает практической успешности действия. В психологии развил концепцию «потока сознания». Учение У. Джеймса об эмоциях стало одним из истоков бихевиоризма. Джон Дьюи (1859–1952) – американский философ, один из ведущих представителей прагматизма. Развил концепцию инструментализма, согласной которой понятия и теории – лишь инструменты приспособления к внешней среде. Бертран Рассел (1872–1970) – английский философ, логик, математик. Основоположник английского неореализма и неопозитивизма. Автор (совместно с А. Уайтхедом) основополагающего труда по математической логике – «Основания математики». Джеймс Леуба (1868–1946) – американский психолог-религиовед, исследователь гнесеологических и психологических корней религии. Отстаивал возможность создания согласованной с научным знанием гуманистической религии, призванной стать основой новой этики. Алексис Каррель (1873–1944) – французский хирург и патофизиолог, лауреат Нобелевской премии.

Часть I Основа знания

Глава 1 Идея и ее референт⁵

Истинная философия призвана быть Путем Осознания, а не просто руководством к мирской деятельности. Это хорошо понимали древние, но в наше время духовного обнищания данная истина, кажется, почти забыта.

И похоже, будущим историкам придется описывать нашу реальность как эпоху, в которой талант и мастерство служили, главным образом, земным потребностям и желаниям «стопоходящего, лишённого оперения, двуногого млекопитающего вида homo», помогая ему адаптироваться к среде обитания, а гениальные ученые создавали весьма сложные технические устройства для безжалостного уничтожения все того же млекопитающего.

Поистине, когда знание служит подобным целям, то предпочтительнее невежество. Но как бы ни было прискорбно, что техническое знание не находит более достойного применения, еще хуже и безрадостней, что благородная Царица Знаний низводится до уровня служанки приземленной науки. Понятно, что высшим критерием успеха утилитарной науки может быть только ее приложение к сфере практической деятельности (это вытекает из самой формы науки и ее метода), но предназначение Философии с большой буквы – служить более достойной и высокой цели. Вечная функция Божественной Софии⁶ состоит в том, чтобы даровать знание, которое служит прежде всего *бытию*, а *действию* – лишь в той степени, в какой действие является инструментом бытия.

Печальное состояние большинства современных школ философии преимущественно объясняется тем, что развитие критического анализа не уравновешивается соответствующим инсайтом. Я далек от того, чтобы отрицать значение духа критики, но голый критицизм сам по себе ведет лишь в тупик повального скепсиса. Конечно, скептицизм принимает разные формы. Порой он выражается в таких утверждениях, как «Всякое знание имеет вероятностную природу» или «Знание – подтвержденное допущение, которое проверяется тем, насколько оно способствует адаптации организма к среде»; или же он может вести к прямому отрицанию категорий «Истина» и «Реальность». Однако в любом случае уверенность теряется; теряется даже надежда на обретение уверенности. Есть люди со странным влечением к неопределен-

⁵ В языкознании *референт* – объект внеязыковой действительности, который имеется в виду в данном речевом отрезке.

⁶ Греческое слово *sophia* означает «мудрость».

ности, которым будто бы даже нравится зыбкий мир полной неуверенности, в котором ни на что нельзя положиться, где на долю жаждущего веры остаются лишь иллюзии. Но для всех людей с глубокой потребностью в религии отказ от надежды обрести уверенность выливается в глубочайшую трагедию абсолютного пессимизма. И это не относительный пессимизм Будды, Христа и Шопенгауэра⁷, которые видели не только безнадежную мглу этого мрачного мира, но и Врата, ведущие к Свету, а такой глубокий пессимизм, в котором вообще нет надежды на обретение Света. Если вечная безысходность не является целью жизни, значит, где-то должна быть уверенность. А чтобы обрести эту уверенность, требуется нечто большее, чем критицизм.

В омывающем нас потоке ощущений не найти ни начала, ни конца. С помощью науки мы производим произвольные сечения этого потока и обнаруживаем между неопределенными частями бесчисленные связи, которые умеем довольно хорошо определять, и строим из них системы. Но нам совершенно неведомо, какова изначальная природа частей, связи между которыми видны. Откуда пришел и куда уходит этот поток? Вот вопрос, на который так и не дали ответа века и тысячелетия знания, отталкивающегося только от эмпирических данных. Если источником знаний человека является лишь опыт, то нам достанется одна безысходность.

Но, может быть, помимо опыта и его однородного (как предполагается) отпрыска – концепции – существует иной источник знания? Величайшие из древних утверждали, что такой источник есть. Впоследствии с ними соглашались многие выдающиеся представители нашей цивилизации. И я также утверждаю, что существует третий способ получения знания и что к нему может получить доступ тот, кто прилагает усилия в верном направлении. Я подтверждаю заявление древних: этим способом можно найти решение важнейших вопросов и обрести знание, которое не бесплодно, хотя его форма может быть весьма неожиданной. Но есть ли в баррикадах современного критицизма место для давно забытых Врат? Если тщательно проанализировать структуру критики и отделить здоровое от нездорового, то на этот вопрос можно ответить утвердительно – ибо философский критицизм не в силах закрыть путь свидетельствам из непосредственного источника.

* * *

Судя по всему, «Критика»⁸ Канта подводит к формулировке следующего важного положения: чистый разум сам по себе может выносить только вероятностные суждения. Для заключений о реальности существования чего-либо недостаточно одних рассуждений. Обычно мы признаем нечто реальным, отталкиваясь от эмпирического материала, поступившего через органы чувств. Соединение принципов чистого разума с тем, что получено от органов чувств, делает возможным единство опыта: сырье эмпирики оказывается внедренным в определенное целое, организованное в соответствии с некими законами. Это является основанием для доверия к теоретическим определениям науки как таковой – со всеми вытекающими последствиями. Но такая интеграция не удовлетворяет всем требованиям, которые выдвигаются человеческим сознанием. Кант создавал это и пытался решить данную проблему в «Критике практического разума», но ему так и не удалось найти адекватного основания для уверенности. Таким образом, на сегодня мы находимся в таком положении, когда для мысли нет знания определенного; можно говорить лишь о вероятности.

В этой книге я не подвергаю сомнению обоснованность вышеупомянутого заключения, взятого из «Критики чистого разума». Я приемлю принцип, согласно которому *чистая* мысль

⁷ Артур Шопенгауэр (1788–1860) – немецкий философ, представитель волюнтаризма. Главное сочинение – «Мир как воля и представление».

⁸ «Критика чистого разума» Иммануила Канта – наиболее значимая работа из всей западной философской литературы. – Прим. автора.

может выносить лишь вероятностные суждения. Но я иду дальше и утверждаю, что в сознании (если рассматривать его целиком) есть фазы, которые не являются ни концептуальными, ни эмпирическими, то есть не зависящие от органов чувств. Та часть сознания, к которой я привлекаю внимание, у большинства людей не активна. Тем не менее на известном нам историческом промежутке некоторые индивиды сообщали о ее существовании. Более того, я заявляю, что сам осознал (по крайней мере, частично) действие этой фазы, которой на Западе давали самые разные названия: «Космическое сознание», «Мистическое прозрение», «Особое состояние сознания», «Трансперсональное сознание» и так далее. На Востоке этот вид сознания изучали более последовательно и дали ему более четкие определения: *самадхи*, *дхьяна*, *праджня*. Из описаний данной разновидности сознания (а также из моего личного опыта) следует, что его отличительной особенностью является непосредственное восприятие экзистенциального содержания. Такое непосредственное восприятие намного превосходит то, которое осуществляется посредством органов чувств и зависит от деятельности сенсорных органов. В отличие от обычных данных, поставляемых органами чувств, непосредственно воспринятые трансцендентные ценности позволяют говорить об их реальном существовании, не нарушая при этом фундаментальных принципов, установленных Кантом.

Гносеологическая критика данной трансцендентной фазы сознания возможна только со стороны тех, у кого эта фаза проявлена. В гносеологии, в отличие от психологии, можно работать только на основе того материала, которым реально располагаешь в своем собственном сознании. «Гносеолог» рассматривает предмет изнутри, тогда как психолог ограничивается (до тех пор, пока остается только психологом) материалом, который можно наблюдать вовне. Таким образом, в области гносеологии исследователь занят анализом основания суждений о смысле и ценности, тогда как метод психолога ограничивает его сферой суждений, касающихся лишь эмпирических фактов. Поэтому открытия психолога не применимы к более глубокой фазе сознания. Непонимание этого факта привело к значительной неразберихе и совершенно излишним душевным мукам.

Рассматриваемая нами проблема в значительной степени лежит вне сферы приложения психологии, поскольку она связана преимущественно с ценностью и смыслом, а с наблюдаемыми внешне явлениями – весьма незначительно. Весьма вероятно, что пробуждение трансцендентной фазы сознания, о которой идет речь, вызывает некие сопутствующие эффекты, которые может наблюдать психолог и даже физиолог. Но все их наблюдения не имеют прямого отношения к непосредственно осознанным внутренним ценностям и смыслам. Конечно, можно зафиксировать отклонение от психологической и физиологической нормы. Такие отклонения нередко истолковывались в форме резкой критики непосредственно воспринятого смыслового содержания. Однако подобная процедура не является ни научной, ни философской, ибо исходит из слепого допущения, будто «норма» является высшим достоинством. Если бы этот метод последовательно применили, скажем, дикари Австралии, принимающие за норму свой способ существования и уровень сознания, то им пришлось бы вынести весьма негативное суждение обо всех более высоких формах человеческой культуры. Поскольку многие из наших психологов и физиологов на практике не демонстрируют последовательной приверженности такой позиции, то мы вынуждены заключить, что в их оценках решающую роль играет личное предубеждение.

В современных дискуссиях нередко отмечается, что некоторые понятия непосредственно связаны с чем-то осязаемым, а другие – нет. То, что стоит за первой категорией, называют «референтом». Отсюда формулировка: у одних понятий есть референты, а у других их нет. Обычно понятиям первого рода приписывается высшая ценность, тогда как вторые считаются ценными, только если они могут привести к понятиям первого рода. Правда, некоторые авторы отрицают, что есть нечто такое, как «понятие»; они допускают существование лишь слов. Как бы там ни было, понятия (или слова), не имеющие референта, рассматриваются как простые

абстракции. Теперь заметим, что хотя, быть может, и обоснованно считать понятия важными лишь в тех случаях, когда они ведут к чему-то реальному, все же было бы произвольным допущением утверждать, что реальность обязательно должна быть фактом, воспринятым эмпирически. Реальным может быть некое содержание, полученное непосредственно в трансцендентной фазе осознания. В этом случае абстрактное понятие реально будет иметь не меньшую ценность, чем более конкретная идея. Вынести положительное суждение по данному вопросу можно лишь путем мистического пробуждения. Одним из тезисов настоящей работы является утверждение о том, что за абстрактными концепциями (по крайней мере, за некоторыми из них) стоит содержание, которое можно воспринять непосредственно. Таким образом, самая абстрактная фаза мысли может привести к реальному содержанию столь же непосредственно (по меньшей мере), как и идеи конкретные. Но это содержание не является эмпирически заданным.

Главным следствием данного положения будет то, что некоторые концептуальные системы допустимо рассматривать в качестве *символов* трансцендентного смысла. Возможно, мы могли бы считать подобную символическую форму характеристикой всех понятий, соотносящихся с реальностью – как эмпирической, так и трансцендентной. Похоже, что некоторые наиболее зрелые ветви современной науки приходят к именно такой интерпретации своих теоретических построений. Так, в современной физике об определенных построениях часто говорят как о моделях, описывающих некую реальность (референт), которая по своей природе немыслима. Таким образом, модель уже выступает не в качестве некоей фоторепродукции, а как определенная логико-интеллектуальная конструкция, соответствующая наблюдаемым связям в референте. Подобная модель является символом, хотя, быть может, и не в том специфическом смысле, какой вкладывал в этот термин Карл Юнг⁹. Так или иначе, в данном случае это некий символ отношений, связей. В трансцендентном же смысле символ представлял бы некоторые реалии. И тут мы имеем существенное отличие использования интеллекта в науке от того, как он применяется в метафизике. Во втором случае создаются не символы связей, а символы субстанциальных реальностей.

Главное достоинство интеллекта в том, что «знание – сила»¹⁰. С помощью науки человечество все сильнее воздействует на природу и управляет ею во все большей степени. Этот факт слишком хорошо известен, чтобы останавливаться на нем подробно. Тот же принцип применим и к трансцендентным реальностям. Благодаря энергии мысли эта область тоже становится «проходимой». Недостаточно зрелые мистики не являются навигаторами. Для них трансцендентное – как море, в котором лодки их сознания либо дрейфуют, либо движимы силами, над которыми индивид не властен. Если все же лодкой кто-то управляет, то это иной, незримый разум. Многие мистики дают этой направляющей силе всеобъемлющее наименование – «Бог». Данный символ указывает на некую стоящую над индивидом и над личным «я» Силу, которая непостижима, но чьи действия можно воспринимать. Однако тот мистик, который контролирует ситуацию, может исключить из своего словаря слово «Бог» и все, что обычно с ним ассоциируется. И все же он знает, что это слово имеет отношение к чему-то вполне реальному, хотя и весьма несовершенно понимаемому большинством мистиков. Степень контроля зависит от уровня развития понимания и мышления, связанного с совершенно иной реальностью, чем та, которая воспринимается посредством органов чувств.

⁹ Карл Густав Юнг (1875–1961) – швейцарский психолог и философ, основатель «аналитической психологии». Развил учение о коллективном бессознательном, в образах («архетипах») которого видел источник общечеловеческой символики (в том числе мифов и сновидений).

¹⁰ «Знание само по себе сила» – утверждение родоначальника английского материализма Фрэнсиса Бэкона (1561–1626).

* * *

Эмпирически данное многообразие фактов, составляющее сырой материал физической науки, само по себе наукой не является. Не станет оно ею, даже если их просто собрать, описать и классифицировать. Чтобы довести эту совокупность фактов до статуса науки, они *все* должны быть сведены в какую-то интерпретирующую теорию, удовлетворяющую некоторым условиям, два из которых фундаментальны и неизбежны. Первое: теория-интерпретация должна быть логичным и непротиворечивым целым, позволяющим делать дедуктивные умозаключения. Это абсолютная необходимость науки как таковой. Второе: теория должна быть так подобрана и сформулирована, чтобы основанный на ней последовательный ход умозаключений позволял на каком-то этапе осуществлять эксперимент, эмпирическое наблюдение, которое подтверждало бы (или не подтверждало) данное умозаключение. Второе условие не требуется для науки в онтологическом смысле, но является существенной частью науки *эмпирической*. Это условие особо отмечает радикальное отличие современной науки от науки схоластов и Аристотеля. Таков принцип примата прагматичности, который является главным ключом к западному (можно сказать, современному) виду господства над природой. Итак, любая организация определенного собрания наблюдаемых фактов, которая удовлетворяет этим двум условиям, является наукой в современном смысле слова.

Однако, хотя для принятия некоей совокупности знания в качестве научной (в современном смысле) необходимо лишь, чтобы она удовлетворяла двум вышеприведенным принципам, на практике ученые требуют большего. Существует третье условие, вызванное не столько логикой, сколько соображениями удобства и даже предубеждениями. Требуется, чтобы интерпретирующая теория соответствовала устоявшимся научным точкам зрения – если не вполне доказано, что это третье условие невозможно выполнить, не нарушая первого и второго. Долгое сопротивление принятию динамики Эйнштейна было следствием того факта, что хотя теория относительности отвечала первым двум условиям, она нарушала третье. Ученое сообщество отходило от классической механики весьма неохотно. Многие годы устаревшую теорию любовно скрепляли проволочками надуманных гипотез, а ученые уподоблялись консервативному фермеру, отказывающемуся принять в дар грузовик из-за привязанности к полуразвалившейся телеге, старинной упряжи да рассыпающемуся инвентарю, укрепляемому и сохраняемому любыми замысловатыми затеями. Ученые отказывались иметь дело с новой теорией, хотя она чрезвычайно красиво выполняла требования первого условия. Но в конце концов, поскольку теория относительности выдержала испытание второго условия, а ньютоновская точка зрения в области электродинамики, несомненно, утратила свою логическую согласованность, первая была со скрипом принята. Этот эпизод из истории науки лишь иллюстрирует тот факт, что с позиций логики третье условие является просто произволом. Следует, однако, признать определенную практическую и психологическую оправданность этого условия. Оно является неотъемлемой частью духа консерватизма, который кто-то выразил таким афоризмом: «Пока менять *не надо*, надо *не менять*». Резкие перемены, к которым трудно приспособиться и с которыми тяжело свыкнуться, небезопасны.

Страх перемен присущ общечеловеческой натуре ученого, а не самой науке. Третье условие существует для защиты ученого (поскольку он – человеческое существо) и совершенно неуместно для науки как таковой. Я обращался к людям с научно ориентированным умом, излагая концепции, подразумевающие (или явно подтверждающие) реальность трансцендентного, против которой они не находили логических возражений. Но тут они натягивали на себя кольчугу третьего условия и отстранялись в воображаемой безопасности. Было бы неразумно обращаться с перепуганными детьми слишком грубо; так как ненадежная человеческая натура ученого использует третье условие в качестве защитной зоны, следует относиться к нему с ува-

жением. Но третье условие не является подлинной частью науки как науки и, строго говоря, не может применяться для дискредитации *истинности* любого интерпретирующего построения.

Сегодня в обширной сфере биопсихологических наук (которые включают и всего человека – в той степени, в какой он является объектом науки), а во многом и в философии, преобладает ориентация на Дарвина. Дарвинизм имеет две стороны: меньший его аспект довольно невинен и полезен, но аспект более значительный – сила темная (быть может, самая темная), которая является серьезной угрозой высшему благу человеческой души.

Если смотреть с узких позиций, то Дарвин сделал значительный вклад в науку. Благодаря фактам, которые он собрал, фокус научного сознания с почти непреодолимой силой стал перемещаться на понятие органической эволюции. В этом смысле вклад Дарвина позитивный и, как я полагаю, неизменно будет таким. Но в широком смысле дарвинизм включает в себя нечто иное. Эволюционный процесс интерпретируется им как слепая и механическая сила, стоявшая у изначальных корней жизни и ответственная за всякое развитие – в том числе и за развитие человека (даже самого культурного). Для интерпретации фактического материала может потребоваться определенная концепция эволюции, и я тоже думаю, что она нужна. Но существуют иные, в корне отличающиеся от идеи Дарвина, представления о природе эволюции, которые интерпретируют факты или могут быть использованы для такой интерпретации. Эволюцию можно понимать как технологию разумного процесса, как дополнение инволюции. Понимаемая таким образом эволюция к дарвинизму (в негативном смысле) отношения не имеет.

Два первых условия научного метода не навязывают слепое и механическое представление об эволюции в качестве научно необходимой интерпретации. Ориентация со стороны ученых на это радикально антитрансцендентное представление является просто следствием искусственного третьего условия. Тем не менее следует признать, что механистическая трактовка имеет и некоторые преимущества. Тем, кому ненавистно все таинственное, кажется, будто здесь мы имеем ключ к пониманию жизни во всех ее деталях – постигаемых непосредственно и объективно. Таким образом, создается впечатление, что для обретения власти над жизнью не нужно ничего, кроме органов чувств и интеллекта. В этом подходе много иллюзорного. Ибо когда биолог обратится к химику за объяснением феноменов жизни, химик огорчит его заявлением, что не считает химические феномены адекватными требованиям биолога. А когда биолог обратится к самой главной из всех физических наук – к физике, – он обнаружит, что с 1896 года¹¹ в физике весьма интенсивно закладывалось основание для мистики. В результате концепции биолога-материалиста повиснут в воздухе.

Предположение о том, что в самом строении живых организмов заложена тенденция к усложнению и подъему вверх по эволюционной шкале, ни в коем случае не является научно установленным фактом. Конечно, в иерархии живых созданий наблюдаются огромные отличия: от минералов (или близких им структур) до Будд. Но, последовательно придерживаясь научного подхода, нельзя утверждать, что различия в достигнутом уровне развития не являются следствием периодического или постоянного притока энергии из трансцендентного источника. Если же причина восхождения по эволюционным ступеням трансцендентальна,

¹¹ В 1896 году Антуан Анри Беккерель обнаружил явление радиоактивности. В последующие десятилетия имела место целая серия революционных открытий в физике. В 1897 г. Дж. Дж. Томсон открыл электрон. В 1905 г. А. Эйнштейн ввел понятие фотона и создал частную теорию относительности, в которую ввел в качестве постулата не поддающийся объяснению с позиций классической физики факт (продемонстрированный в 1881 г. А. А. Майкельсоном) независимости скорости света от скорости движения источника. В 1911 г. Э. Резерфорд предложил планетарную модель атома, а в 1913 г. Н. Бор создал на ее основе первую квантовую теорию. В 1907–1916 годах Эйнштейн разработал общую теорию относительности. С позиций обычного здравого смысла положения теории относительности настолько абсурдны, что большинство физиков долго отказывались их принять (даже Нобелевскую премию Эйнштейну в 1921 г. присудили за совсем другие работы – в области изучения законов фотоэффекта).

тогда она – *не натуралистическая*¹². Даже если и не основываться на данном рассуждении (которое я на данный момент буду считать чисто умозрительным), нельзя не признать, что в чисто натуралистическом смысле вся деятельность в природе тяготеет к угасанию. Физики нам скажут, что во всех своих наблюдениях – от лабораторных до астрофизических – они не находят исключений из второго закона термодинамики. Если пользоваться простыми словами, то этот закон говорит о том, что вся энергия имеет тенденцию как бы скатываться к подножию холма, то есть течь от центров с высокой концентрацией в области низкой концентрации (например, от звезд – в глубины космоса). И далее: энергия преобразуется в работу, только когда она находится в процессе упомянутого движения; на последнем этапе рассеяния энергия утрачивается. Отсюда ясно следует, что чисто натуралистические тенденции направлены на деградацию¹³.

Почему бы не рассматривать жизнь как определенного рода энергию? Разве такая точка зрения не будет исключительно последовательным применением третьего условия? Ведь она является продолжением устоявшихся научных взглядов. Но если жизнь рассматривать как энергию, то разве эта энергия не должна подчиняться общему закону, который вроде бы всегда и всюду подтверждается наблюдениями физиков? Если ответ на эти три вопроса будет утвердительным, тогда нам придется смотреть на естественную (изолированную от какого бы то ни было трансцендентного притока энергии) жизнь как на тяготеющую к деградации. Такая смена перспективы будет иметь далеко идущие последствия. Например, этнолог потеряет право рассматривать культуру так называемого первобытного человека в качестве истока последующих более высокоразвитых культур; первобытная культура станет выглядеть культурой деградировавшей и, таким образом, из истока превратится чуть ли не в тупик процесса деградации. Мы больше не сможем рассматривать шаманизм вуду¹⁴ как примитивную форму религиозного сознания – семени, из которого, в конечном счете, расцвело более высокое религиозное сознание; нам придется видеть в этой форме религиозной практики состояние деградации религии – то, чем становится религия в руках расы, движущейся к вымиранию. Другой пример: в аналитической психологии утратит свою ценность редуccionная интерпретация¹⁵.

Далее в этой работе (когда речь пойдет о более современной психологической интерпретации мистических состояний сознания) у меня будет возможность развить намеченную выше линию аргументации более полно. Похоже, что недооценка подобных интерпретаций вызвана предвзятостью, вытекающей из склонности к чрезмерному распространению идей дарвинизма. Сейчас же я просто делаю предварительные наброски, чтобы позволить читателю ориентироваться в общем потоке идей.

¹² Здесь термин «натурализм» употребляется для обозначения теории, утверждающей, будто природа, воспринимаемая посредством органов чувств, и есть вся реальность. – *Прим. автора.*

¹³ Классическая формулировка второго начала термодинамики: в замкнутой (т. е. изолированной в тепловом и механическом отношениях) системе энтропия (мера беспорядка) либо остается неизменной (если в системе протекают обратимые, равновесные процессы), либо возрастает (при неравновесных процессах) и в состоянии равновесия достигает максимума. К открытым системам второй закон термодинамики неприменим; например, фонтан не только сохраняет форму струй, но может даже увеличить сложность водяных узоров (при возрастании давления воды).

¹⁴ *Вуду* – система анимистических верований и обрядов, уходящих корнями в африканскую магию. Культ вуду сформировался в начале XVI в. на о. Гаити, куда в качестве рабов завозили чернокожих африканцев – преимущественно из Конго и из Дагомеи (ныне республика Того, Бенин и Нигерия), где проживали племена йоруба, эве, фон и др. Этимологически вуду (или лоя) – название духов в языке фон (в племени йоруба их называли ориша). Сегодня обрядность вуду включает в себя поклонение не только африканским божествам, но и богам некоторых иных религиозных традиций (например, индейских).

¹⁵ В аналитической психологии «редуccionной» называется точка зрения, согласно которой всплывающие из подсознания комплексы являются следствием причинных факторов, лежащих в сознательной сфере. Этому противопоставляется «конструктивная» точка зрения, в которой такие комплексы считаются символами, за которыми стоит некий смысл и цель, ожидающие своего проявления в будущем. См. «Психологические типы» К. Юнга, глава 11 «Определения». – *Прим. автора.*

* * *

Следующая глава призвана заложить фундамент знаний, на которых в значительной степени базируется вся сумма дальнейших интерпретаций. Это изложение (преимущественно описательно-повествовательное) имеет то же методологическое значение, какое придается лабораторной записи в процессе построения научно-теоретической интерпретации. Но в данном случае непосредственно данный материал не имеет того объективного характера, который присущ явлениям, изучаемым в научных лабораториях; он собран преимущественно в процессе сознательного погружения в субъективный полюс сознания. В этом случае то, что соответствует сырому материалу научной теории, – суть качества или состояния, обнаруженные благодаря проникновению в «Я», а не в результате наблюдений за «не-Я».

Интерпретируемые таким образом явления далеки от заурядности – если считать заурядным весь объективный материал научной теории, который в принципе доступен для любого человека с обычным сознанием, не выходящим за пределы пяти чувств. С рассматриваемой сферой сознательно ознакомились очень немногие люди; но такие есть, и когда они встречаются, то понимают друг друга. Последний факт имеет огромное значение, так как он обнаруживает, что у человека область субъективного не есть нечто абсолютно уникальное, не имеющее ничего общего с аналогичными областями других людей. Несомненно, некоторые конкретные черты этой субъективной зоны уникальны, поскольку один индивидуум отличается от другого и один вид индивидуальности противоположен другому. Но по мере углубления в «Я» различия уменьшаются; согласованность понимания все возрастает, стремясь в конечном счете стать абсолютной. В центре же всего пребывает Просветление, которое в основе своей одно для всех. Я вынужден оставить это заявление в форме догмата, поскольку объективно его невозможно ни доказать, ни опровергнуть.

Конечно, начальный и самый поверхностный этап субъективного проникновения сугубо личный, так как никто не может начать иначе, чем с самого себя: конкретного индивидуума, живущего в определенной точке во времени и пространстве. И первая опасность Пути – на неопределенный период времени угодить в ловушку этой чисто личностной субъективности. Задержавшийся здесь поднялся всего лишь на первую ступеньку лестницы. Истинное проникновение выходит за пределы личного «я». Выйдя за рамки личного, «Я» быстро приближается к имперсональности, пока не превратится во Всеобщий Принцип. Таким образом, внутренняя почва является общей ничуть не меньше, чем объективное содержание сознания, единое для всех людей.

Как ученые-эмпирики в общем понимают образ мыслей друг друга, так и те, кто в определенной степени постиг безличное «Я», поймут особый язык друг друга (по крайней мере, в общих чертах). Конечно, подобно тому как у ученых бывает своя специализация, так и здесь есть свои нюансы, которые ограничивают полноту взаимопонимания. Специалист по субатомной физике обычно не говорит на специфичном языке биолога, тем не менее относительно общих детерминант эмпирической науки как таковой имеет место взаимопонимание. Аналог этого можно обнаружить и среди мистиков. И этот факт сбивает с толку не-мистика, исследующего мистические состояния сознания. Есть согласие, а расхождения для того, кто обладает Видением, несущественны. Однако они безнадежно запутывают непосвященного.

В записях, приведенных в следующей главе, часть материала, несомненно, уникальна и относится к конкретному индивидууму; она несколько отличается от других описаний, которые можно найти в литературе. Но очень скоро содержание становится все более и более универсальным. Доказательство тому можно найти, обратившись, подобным образом, к соответствующей литературе. Именно на этом, более универсальном, едином содержании и строятся дальнейшие интерпретации. Поистине, есть то, что едино для всех людей. Хотя обычно это

Единое затеряно в бессознательном, оно ждет возможности раскрыться – когда Свет Сознания обратится на Себя, вернется к Своему Истоку.

Глава 2

Мистическое раскрытие

Еще будучи студентом-дипломником философской школы Гарвардского университета, я окончательно поверил в возможность существования сознания трансцендентного типа, непостижимого в пределах наших обычных форм знания. Это убеждение сложилось под влиянием нескольких факторов. Во-первых, значительная часть западной философии (от греков до наших дней) как будто подразумевает некое проникновение в Реальность, которое невозможно свести к наблюдению или извлечь из непосредственного опыта с помощью логических умозаключений, какими бы тонкими они ни были. В то же время то глубокое ощущение истины, которое я обрел в процессе изучения чистой математики, не находило удовлетворительных объяснений ни в одной из философских интерпретаций, стремящихся показать, что математика выведена из фактов внешнего мира путем одной лишь чистой абстракции. Меня не покидало ощущение, что у самого истока математики скрывается некая тайна, уходящая гораздо глубже, чем что-либо, обретаемое посредством органов чувств. К тому же я до некоторой степени соприкоснулся с буддийской, ведантистской и теософской фазами восточной мысли. А там приводились весьма убедительные свидетельства в пользу реальности определенного рода трансцендентного сознания. С другой стороны, фактором, действующим в некотором роде как негативный стимул, было то, что системы философии, которые отрицали наличие трансцендентной, мистической реальности, отличались некой скудностью, оставляющей осадок неудовлетворенности. А между тем в глубине моего сознания присутствовала более или менее явно выраженная вера, настоятельно требовавшая, чтобы подлинно обоснованная интерпретация реальности была бы полностью удовлетворительной, а не бесплодной. Но диалектические и полемические методы разных западных школ мысли не могли дать вполне удовлетворительного решения, которое, обеспечивая потребности опыта и рассудка, в то же время удовлетворяло бы жажду уверенности и глубины. Однако из исторических свидетельств вытекало, что по крайней мере некоторые представители человечества обрели эту уверенность, которая была обоснованной и полной. Так что мне казалось весьма вероятным, что должен быть какой-то вид сознания или знания, еще не охваченный западной гносеологией и психологией.

В то время у меня отсутствовало ясное понимание того, каким может быть это знание и какими методами можно надеяться его обрести. У меня было непродолжительное соприкосновение с восточными руководствами по преображению, которые, насколько я понял, указывают на некое сознание, не проявленное у большинства людей, но потенциально доступное. Поначалу я пытался интерпретировать содержащийся в этих руководствах материал в концептуальных формах западной мысли, но к успеху это не привело. Вскоре мне стало ясно, что в таких руководствах есть нечто скрытое: чтение вызывало тонкие изменения в моем эмоциональном состоянии и, кроме того, появилось ощущение приближения к чему-то таинственному.

Хотя это «что-то» в руки не давалось, я обрел уверенность в том, что оно существует и как-то связано с прочитанными руководствами – хотя бы потому, что чтение погружало меня в смятение и беспокойство. Иногда я настолько хотел покоя, что старался забыть о подобной литературе. Однако вскоре я понимал, что такая предвзятая позиция неестественна, что она является отказом от честного поиска реальности (чем бы та ни оказалась). И это всегда заставляло меня вернуться к вносящим смятение руководствам.

Вскоре стало ясно, что для успешного поиска в новом направлении мне придется выйти за пределы того, что можно обрести в академических кругах Запада. Руководства требовали полной самоотдачи, несовместимой с нерешительными *пробами* человека, часть которого остается в стороне, как бы в резерве. Я вновь и вновь находил утверждения о том, что, если человек хочет трансцендентного прозрения, ему нужно отречься от всего (а не только от какой-

то части), чем он лично является. Мне это отнюдь не казалось легким делом. Годами я противился, отдавая лишь часть себя и сохраняя определенный резерв. Результаты были такими несовершенными и неудовлетворительными, что я нередко раскаивался в своем экспериментировании. Но вскоре я обнаружил, что зашел слишком далеко, чтобы повернуть обратно. Я понял достаточно, чтобы навсегда утратить интерес к прежним сферам деятельности, но такого понимания было мало для обретения покоя и удовлетворения. Несколько лет я без видимого прогресса топтался на месте в нерешительности. Однако с течением времени мирские желания постепенно слабели; попутно возрастала готовность завершить эксперимент, оставив все, что сохранялось в резерве.

С годами у меня стало складываться более полное представление о цели данных руководств и о причинах, лежащих в основе их требований. Мой энтузиазм возрос, и я стал более основательно экспериментировать с теми методами трансформации, о которых узнал. Все они (или почти все) были восточного происхождения; в большинстве случаев эффект от их применения меня разочаровывал. Однако я понял, что есть *разные* методы, предназначенные для совершенно разных темпераментов и организаций психики. Со временем стало ясно, что имеются существенные различия в темпераменте и психике обитателей Востока и Запада и что это подразумевает определенную модификацию методов. Чтобы найти самое существенное, я стал искать в разных методах неизменные элементы. В конце концов я нашел одного восточного Мудреца, чья мысль и темперамент в высокой степени были созвучны моим. Мудрец этот – философ-ведант Шанкара¹⁶. Я обнаружил поразительное согласие своего мировоззрения с самыми основными фазами его мысли и вполне готов был применить указанный им высокоинтеллектуальный метод. Именно в трудах этого Мудреца я нашел наконец средства, которые смогли привести меня к искомому преобращению.

Между тем я встречался с разными индивидуумами и группами, которые предлагали свою помощь в продвижении туда, куда я стремился идти. Должен признать, что от всех я получал нечто ценное; общение с ними углубляло мое понимание, но никто из них не мог предложить мне методов, которые оказались бы для меня вполне эффективными. Почти все они делали акцент на преобращении чувств и не удовлетворяли моих неизменно присутствовавших интеллектуальных запросов. Из всех встретившихся мне Учителей (в жизни или книгах) только Шанкара адекватно удовлетворял интеллектуальную сторону моей натуры. Так что, хотя я во многом обязан тем, кого так или иначе знал, однако именно Шанкара дал мне совет, оказавшийся действенным.

Тем не менее даже у Шанкары я не нашел всех деталей метода, который дал окончательные результаты. Мне пришлось самому найти средства адаптации метода к потребностям западного интеллектуала. Ни одно из этих средств не меняло оснований учения Шанкары, но то, что я добавил как своего рода творческое открытие, оказало решающее воздействие. В настоящее время я убежден, что человеку, стремящемуся привести в действие механизм преобращения, жизненно важно сделать оригинальное открытие такого рода.

В период, прямо предшествовавший тому часу, когда почти четверть века поисков наконец увенчались успехом, мне стали ясны (теоретически) некоторые характерные черты трансцендентного сознания. На уровне интеллекта я понял важнейшую вещь: трансцендентное сознание отличается от сознания обычного в первую очередь тем, что в нем устранен разрыв между субъектом сознания и его объектом. Это состояние, в котором «Я» неразрывно слито с полем сознания. Таков исходный критерий отличия нашего обычного сознания от трансцендентного. Первое всецело является относительным сознанием типа «субъект-объект».

¹⁶ Шанкара (Ади-Шанкара, Шанкарачарья; 788–820) – величайший индуистский философ, крупнейший представитель шиваизма, классик философии адвайта-веданта. Основал четыре монастыря и десять монашеских орденов.

Второй факт первостепенной важности, который мне теперь стал понятен: «общим знаменателем» обоих видов сознания является субъект («Я»). Этот факт в значительной степени идентичен фундаментальному открытию Декарта¹⁷, показавшему, что, если даже все подвергнуть критической проверке, нельзя сомневаться в собственном бытии – каким бы малым ни было наше понимание природы этого бытия. Я обнаружил также совершенную вневременность субъекта («Я»), а также понял, что он в чистоте своей, не смешанный ни с каким объективным элементом, поистине никогда не может быть *объектом* сознания. Я без труда понял, что если чистая субъективность (сама способность сознавать) является постоянным, неизменным элементом (а следовательно, пребывает вне времени и не подвержена влиянию истории), тогда она по необходимости должна быть бессмертной. Мне стало ясно, что этот вид бессмертия абсолютно имперсонален и сам по себе не подразумевает неограниченного сохранения того качества индивидуальности, которое отличает одного человека от другого. И все же, если обнаружен бессмертный элемент, то появляется чувство опоры и безопасности, основанное на уверенности гораздо более высокого порядка, чем любая вера. Когда в процессе углубления понимания я дошел до этого момента, в моем распоряжении оказалась позитивная ценность, которая имела решающее значение. Несколько лет спустя именно она стала рычагом, отодвинувшим засов Врат трансцендентного уровня сознания.

Хотя в литературе можно найти помимо вышеперечисленных принципов множество иных характеристик трансцендентного, я считаю, что признание этих двух – все, что абсолютно необходимо для подготовки понимания к Трансцендентному Пробуждению. Эти принципы и факты явно имеют интеллектуальную ценность; их вполне можно оценить независимо от какой бы то ни было эмоциональной трансформации, которая может быть связана с пробуждением трансцендентального восприятия. Достаточно сосредоточенное размышление над внутренним смыслом этих принципов вполне может оказаться эффективным средством осуществления преобразования – без помощи каких-либо дополнительных факторов. Однако, хотя в моем случае указанные средства имели первостепенное значение, они не были единственными.

Одновременно с обретением этого предварительного интеллектуального понимания определенные существенные изменения происходили также и в эмоциональной и чувственной сфере. Еще в начале своих занятий я обнаружил, что в руководствах подчеркивалась необходимость искоренения желания. Это было трудно понять и еще труднее осуществить на практике. Желание неотделимо от жизни, наделенной чувствительностью, поэтому казалось, будто это требование является эквивалентом самоуничтожения. Лишь спустя некоторое время я обнаружил подлинный смысл указания: необходимо изменить направленность желания. Обычно желание направлено на объекты и, так сказать, на «объективные достижения». Нужно переориентировать желание, чтобы, вместо влечения к объектам и достижениям мирской сферы, желанным стало вечное и всеобъемлющее сознание. Такая интерпретация прояснила смысл требования и сделала его интеллектуально приемлемым, но не сразу принесла искомое изменение направленности. Для осуществления поставленной задачи потребовалось успокаивающее воздействие времени. С годами внешняя направленность желания ослабевала, а за несколько месяцев до того часа, когда произошел радикальный переход в сознании, уже имела место определенная неприязнь практически ко всему, относящемуся к мирской сфере. Казалось, будто все в этой сфере полностью лишилось какой-либо значимой ценности, хотя оставалось огромное количество неизвестной мне объективной мирской информации, которую я мог бы

¹⁷ *Рене Декарт* (1596–1650) – французский философ, математик, физик и физиолог. Заложил основы аналитической геометрии, дал понятия переменной величины и функции, ввел многие алгебраические обозначения. Сформулировал закон сохранения количества движения, ввел понятие импульса силы. В основе философии Декарта дуализм «мыслящей субстанции» (души) и «протяженности» (материи). Декарту принадлежит максима: «Мыслю, следовательно, существую». В учении о познании Декарт был родоначальником рационализма и сторонником учения о врожденных идеях.

получить, а также много переживаний, которых я еще не испытывал. Но я понимал, что все это лишено глубины и имеет не больше смысла, чем игра в триктрак Дэвида Юма¹⁸.

Если бы не было компенсирующего желания, направленного в противоположную сторону, то на этом этапе мое сознание, скорее всего, окрасилось бы унынием и пессимизмом.

Но так как имело место постоянное усиление стремления к трансцендентному, то для психической энергии всегда находился выход. Однако, когда процесс изменения направленности как бы достиг равновесия, наступил своего рода критический момент¹⁹. На этом этапе не было решительно никакого желания идти тем или иным путем, и вся сфера интересов словно обесцветилась. Оглядываясь на пройденный путь, я сказал бы, что этот этап был единственным представлявшим собой реальную опасность. Я счел необходимым привести в свое нейтральное состояние силу волевого решения и продолжил продвигаться в избранном направлении, невзирая на отсутствие какой-либо склонности делать это²⁰. Однако после данного критического момента процесс внутренней переориентации желания ускорился и появившееся спонтанное желание сделало принудительную волевою решимость ненужной.

Руководства предупреждают, что, помимо влечения к внешним объектам, очень серьезным барьером является эгоизм. Сильное чувство эгоистической обособленности и привязанность к ней становится неодолимым барьером для такого вида сознания, которое не поработано дискретным эго, а непрерывно, свободно и безлично. Таким образом, для успешного преобразования сознания требуется достаточная степень растворения эгоистической кристаллизации. Было нетрудно признать логичность этого требования, но опять же, как и в случае внешней ориентации желаний, затруднения возникли в процессе действительного растворения эгоистического чувства. Обычным методом является внедрение в свою жизнь практического альтруизма – пока личное «я» не отойдет на задний план. Но это не единственное средство, приводящее к желаемому результату. Устремленность к трансцендентному «Я» и любовь к универсалиям также ведут к требуемому избавлению от эгоистического чувства. В этой части дисциплины я получил огромную помощь от своей прочной любви к математике и философии. Дополненная делами более осязаемыми, эта любовь в конце концов обеспечила требуемую степень растворения эго.

¹⁸ Дэвид Юм (1711–1776) – английский философ, историк, экономист; сформулировал основные принципы агностицизма. Чтобы отвлечься от пессимистических размышлений, играл в триктрак.

¹⁹ В символическом языке, которым так часто пользуются для описания этапов этого Пути, данный «критический момент» представлен символикой пустыни. Поле сознания омывается потоком либидо (термин аналитической психологии), и когда этот поток отклоняется в сторону, выросший на поле сад (или джунгли) высыхает, оставляя после себя пустыню. От отклонения потока либидо до его последующего прорыва в ином месте проходит какое-то количество времени (по крайней мере, так было в моем случае). Наступает состояние «засухи», характеризующееся отсутствием интереса к чему-либо. Мистическая литература полна упоминаний об этом этапе. – Прим. автора. (В сексологии *libido* – половое влечение. Карл Юнг в полемике с Фрейдом лишил либидо исключительно сексуального характера, рассматривая его как психическую энергию вообще. — Прим. перев.)

²⁰ На этом этапе весьма важной (быть может, решающей) оказалась помощь Мудреца, которого я знал. Но хотя этот Мудрец поддерживал меня и стимулировал угасающий интерес, он не сказал, что нужно делать, предоставив мне действовать по собственному усмотрению. – Прим. автора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.